

Николай Гавриловичъ Чернышевскій¹⁾.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

3. Невѣста.

Всѣ родные и знакомые Чернышевскихъ были поражены такимъ сватовствомъ. Даже подруги Ольги Сократовны не стѣснялись говорить Николаю Гавриловичу о неудачномъ выборѣ.

„Зачѣмъ вы, Николай Гавриловичъ, хотите жениться на ней“, говорили онѣ, указывая на странности невѣсты: „видите, какая она... Она сдѣлаетъ васъ несчастнымъ“.

Но во всѣхъ такихъ случаяхъ Н. Г. непременно найдетъ причину, оправдывающую О. С. Чаще всего указывали ему на то, что она будетъ помыкать имъ, какъ малымъ ребенкомъ.

— „Мнѣ и нужна такая жена, которая бы управляла мною“, отвѣчалъ Н. Г.

4. Двѣ смерти.

Въ пятницу на второй или третьей недѣлѣ великаго поста была послѣ литургіи помолвка; въ квартирѣ Васильевыхъ отслуженъ молебенъ приходскимъ священникомъ Михаило-Архангельской церкви, И. И. Поздневымъ, при чемъ, кромѣ жениха и невѣсты и родствен-

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

никовъ, присутствовала и мать Николая Гавриловича. Съ большимъ умилениемъ, съ трудомъ держась на ногахъ, стояла она при помолвкѣ своего единственнаго сына.

Рѣшено было, чтобы свадьба была тутъ же, послѣ Пасхи, на красную горку, а послѣ нея—сразу же отправиться въ Петербургъ, гдѣ Н. Г. надѣялся приготовиться къ профессурѣ.

Между тѣмъ, въ семьѣ Чернышевскихъ собиралась гроза. Евгенія Егоровна уже издавна была женщина болѣзненная; она всегда имѣла вялый видъ и часто болѣла, такъ что приходилось ложиться въ постель. Несмотря на это, она, какъ женщина религіозная, не пропускала ни одной преждеосвященной литургіи; была она на литургіи и въ ту пятницу, когда произошла помолвка ея сына. Болѣзненное состояніе Е. Е. брасалось въ глаза всѣмъ. Вскорѣ послѣ помолвки, она пошла къ своимъ родственникамъ, Акимовымъ; они передали ей всѣ сплетни, ходившія по городу объ Ольгѣ Сократовнѣ. Ужаснулась она за судьбу своего горячо любимаго сына. „Свѣта не взвидѣла“ Евгенія Егоровна,—такъ была поражена рассказомъ Акимовыхъ, что не помнила, какъ она вышла изъ квартиры, какъ вѣхала и какъ прибыла домой. Погода была скверная: дулъ вѣтеръ, было грязно, а мать Н. Г., потная, взволнованная, и не запахла въ сильномъ безпокойствѣ; вѣтеръ пронизалъ ее насквозь. Въ эту же ночь она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, и уже болѣе не вставала съ постели. Лучшіе саратовскіе доктора, Покасовскій и Васильевъ, лечившіе Е. Е., ничего не могли сдѣлать. Съѣхались всѣ родственники Чернышевскихъ ухаживать за больной; пріѣхала Александра Егоровна Пыпина изъ Аткарска, гдѣ служилъ ея мужъ. Постоянно бывала при больной и старуха-тетка, жившая въ Саратовѣ. Наканунѣ дня Пасхи Гаврилъ Ивановичъ самъ служилъ для нея всенощную. Всѣ похристосовались съ больной, а въ самый день Пасхи она умерла (19. IV. 1853).

Кто не зналъ этихъ двухъ семействъ, Пыпиныхъ и Чернышевскихъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ горевали они, будучи связаны самою нѣжной любовью. Горе послѣ смерти всѣми любимой и уважаемой Евгеніи Егоровны было такъ велико, что со старушкой-теткой сдѣлалось дурно. Она велѣла заложить лошадь, но тутъ же свалилась въ постель,—съ теткой сдѣлался ударъ, и когда Евгению Егоровну выносили изъ дома въ церковь для отпѣванія, въ томъ же домѣ умерла и старушка-тетка. Такимъ образомъ, въ домѣ были двѣ покойницы.

Нормандскій, родственникъ Чернышевскихъ, прямо говорилъ, что Е. Е. убили Акимовы, передавшіе ей сплетни объ Ольгѣ Сократовнѣ.

Между тѣмъ, Николаю Гавриловичу нужно было ѣхать въ Петербургъ; онъ уже вышелъ изъ гимназіи. Безъ дѣла онъ не хотѣлъ оставаться ни одной минуты. Но оставить отца одного, привыкшаго къ семейной жизни и находящагося въ большомъ горѣ, было нельзя. Рѣшено было, что семейство Пыпиныхъ переѣдетъ изъ Аткарска въ Саратовъ для совмѣстной жизни въ домъ Гавріила Ивановича. Н. Г. выхлопоталъ Николаю Дмитриевичу (Пыпину) и мѣсто въ Саратовѣ, куда тотъ и переѣхалъ на слѣдующую весну. Такъ какъ Чернышевскіе были знакомы съ большинствомъ начальствующихъ лицъ въ саратовскихъ учрежденіяхъ, то переводъ этотъ устроить было легко. Такимъ образомъ, оба семейства опять зажили вмѣстѣ.

Сама Александра Егоровна была пресимпатичная и умная особа. Выросши на глазахъ Г. И. (1806—1884), она, при его посредствѣ два раза была замужемъ. Гавріиль Ивановичъ всегда относился къ ней съ особеннымъ уваженіемъ и любилъ ея общество. Всѣ знавшіе говорятъ о ней, какъ объ образцовой матери. Вѣчно занятая своимъ дѣломъ, она была хорошая хозяйка и хорошая воспитательница. Шьетъ она, бывало, что-нибудь, вспоминаютъ знавшіе А. Е., а около сидятъ и дѣти за столомъ; читаютъ или учатъ уроки.

„Мамочка! Позвольте мнѣ прочесть „Московскія Вѣдомости“.

И если дѣти хорошо ведутъ себя,—она давала. У дѣтей считалось удовольствіемъ читать то, что читаютъ взрослые. Если случалось какое-нибудь горе, то никогда, бывало, не скажетъ постороннимъ; только поплачетъ сама или подѣлится съ близкими. Получивъ только домашнее образованіе, и не безъ посредства Гавріила Ивановича, она находила время среди хозяйственныхъ заботъ на чтеніе книгъ и журналовъ. Свои мнѣнія она высказывала открыто, не заботясь о томъ, приходятся ли по вкусу они другимъ или нѣтъ. Правда для нея дороже всего. Поэтому ее называли либералкой. Это вполне понятно: ея мнѣніе иногда шло въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ, напр., въ то время слишкомъ жестоко наказывали преступниковъ. А. Е. выражала къ нимъ жалость и не сочувствовала судьямъ.

„Что это вы, Александра Егоровна, такъ заступаетесь за убійцъ? скажутъ ей. „Вѣдь, вы противъ закона идете: законъ велитъ наказывать“, возражаютъ ей: „какъ же простить вину преступнику?“

— „Вовсе не заступаюсь, а зачѣмъ же ихъ тиранить“, возражаетъ она. „За преступленіе его всю жизнь совѣсть терзать будетъ, а это—самое сильное наказаніе“.

Вотъ, по этимъ-то добрымъ качествамъ она была особенно дорога для Гавріила Ивановича; поэтому-то именно на нее и палъ выборъ.

5. Свадьба.

И. И. Ввеленскій, занимавшій тогда должность въ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, писалъ Чернышевскому, чтобы тотъ какъ можно скорѣе вѣхалъ въ Петербургъ, иначе должность преподавателя, которой добивался Николай Гавриловичъ, займутъ другіе. Это и было причиной того, что свадьба была черезъ десять дней послѣ смерти матери Н. Г. Хотя Гавриилъ Ивановичъ и Николай Гавриловичъ желали, чтобъ свадьба состоялась въ маѣ, но Ольга Сократовна знала примѣту, что выйти замужъ въ маѣ—цѣлый вѣкъ маяться, и потому настояла на томъ, чтобы свадьба была въ апрѣлѣ.

29. IV. Была свадьба. А Гавриилъ Ивановичъ записалъ въ мегрикѣ (см. слѣд. стр.).

Въ городѣ кумушки говорили: „Черезъ два гроба перешелъ къ вѣнцу, не бывать счастью этой четѣ“.

Молодые намѣревались тутъ же, послѣ вѣнца, отправиться въ Петербургъ, но Гавриилъ Ивановичъ упросилъ сына остаться на нѣкоторое время. „Миленькій сыночекъ“, говорилъ онъ, „останься денечекъ—другой; утѣшь меня, старика-отца“. Къ тому же, отъ всѣхъ предшествовавшихъ событій съ Н. Г.—чемъ была нервная лихорадка; поэтому, молодые уѣхали въ Петербургъ лишь черезъ пять дней послѣ брака.

Отецъ и сынъ условились постоянно переписываться между собой. Даже назначили дни, въ которые письмо непременно должно быть послано. И если письмо почему-либо не приходило въ извѣстный день, — то обыкновенно беспокоились и тотъ, и другой, такъ что посылали въ почтовую контору узнать, получена ли почта. Когда Николай Гавриловичъ учился въ Петербургѣ и Москвѣ, то почта изъ Петербурга приходила только два раза въ Саратовъ (письмо шло 14 дней, а изъ Москвы—восемь, а иногда и меньше, смотря по времени года). Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги, письма получались гораздо скорѣе, а съ развитіемъ пароходства—почта приходила нѣсколько разъ въ недѣлю. Изъ Петербурга теперь письмо получалось на шестой день. Какъ радовался Гавриилъ Ивановичъ, когда письма стали получаться на шестой день! „Какая скорь стала въ передвиженіи“, говорилъ онъ. „Какъ вы думаете, черезъ сколько времени получается почта изъ Петербурга? На шестой день! Удивительное дѣло! А прежде-то какъ долго ходила изъ Петербурга почта!“

[ПЕРУКОТВОРЕННО - СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ].

Метрической книги на (1853) годъ, часть вторая о бракосочетавшихся.

Счетъ бра-ковъ.	Мѣсяць и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и върноповѣданіе жениха, и кото-рымъ бракомъ.	Лѣтъ жени-ха.	Званіе, имя, отчество, фамилія и върноповѣданіе невесты, и кото-рымъ бракомъ.	Лѣтъ невь-сты.	Кто совершалъ таинство.	Кто были поручители.	Подпись свидѣтелей записи по желанію.
7	Апрѣль. 29.	Николай Гаври-ловъ Чернышевскій, состоящій въ Сара-товской Гимнази Старшимъ Учите-лемъ Русской Сло-весности, правосла-ваго върноповѣда-нія, первымъ бра-комъ.	24.	Львѣница Ольга Сократова, Коллеж-скаго Совѣтника Сократа Евгеньева Васильева дочъ, православнаго въ-рноповѣданія.	20.	Саратовскій Каедральный Протоіерей Тео-доръ Стефановъ Вязовскій съ діакономъ сего церкви Яковомъ Подольскимъ, Лячкомъ Мак-симомъ Констан-тиновымъ Семе-новскимъ и По-номаремъ Про-діономъ Ювге-вымъ Траец-кимъ.	По женихъ — отецъ его Прото-іерей Іавринтъ Ивановъ Черны-шевскій и учи-тель Саратовской Духовной Семи-наріи Михаилъ Ивановъ Смир-новъ. По невь-сты — отецъ ея, Коллежскій Со-вѣтникъ Сократъ Евгеньевъ Ва-сильевъ и Кол-лежскій регистра-торъ изъ дворянъ Василій Димит-ріевъ Чесноковъ.	

[Изъ архива Саратовской духовной консисторіи].

Тщательно хранилъ Гавріилъ Ивановичъ письма своего сына. Онъ собиралъ ихъ въ пачки, сложенные по-годно, съ надписью: „Письма милаго сыночка“ такого-то года. Каждое письмо, полученное имъ, радовало Г. И—ча, и онъ прочитывалъ его вслухъ всѣмъ роднымъ, если они бывали въ домѣ Чернышевскаго во время полученія письма, въ противномъ же случаѣ только на вопросъ родныхъ Г. И. передавалъ содержаніе письма.

Разъ Н. Г. очень успокаивалъ отца въ письмѣ; вѣроятно, Г. И. въ своемъ письмѣ, отвѣтомъ на которое было письмо сына, дѣлалъ какія-нибудь рѣзкія замѣчанія. Случалось, сынъ присылалъ ему и деньги. Разъ, когда Николай Дмитриевичъ Пыпинъ сталъ при родныхъ, пришедшихъ къ нему въ гости, показывать подарки, присланные ему изъ-за границы сыномъ, Гавріилъ Ивановичъ сказалъ: „И мнѣ тоже сыночекъ прислалъ подарокъ“ и при этомъ вынулъ изъ стола 400 рублей.

VII. Николай Гавриловичъ—писатель.

До Москвы ѣхали на перекладныхъ, а изъ Москвы—по желѣзной дорогѣ, которая уже была готова. Изъ пассажировъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ Чернышевскими, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они были *молодые*: они говорили другъ другу *вы*. Николай Гавриловичъ былъ необыкновенно вѣжливъ къ Ольгѣ Сократовнѣ и ухаживалъ за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. Когда поѣздъ сталъ подъѣзжать, наконецъ, къ Петербургу, и городъ сталъ виденъ, случилось одно маленькое обстоятельство. Н. Г. высунулся изъ окна, чтобы взглянуть на Петербургъ, и у него сорвало вѣтромъ его шелковую фуражку. О. С. сочла это за дурное предзнаменованіе.

„Неужели тебѣ тамъ снесутъ голову? Дай Богъ, чтобы вы не потеряли тамъ головы“, говорила она. (Впослѣдствіи О. С., рассказывая объ этомъ случаѣ, говорила: „Я шутила надъ нимъ: снесутъ тебѣ голову въ Петербургѣ, потеряешь ее тамъ“). Николай Гавриловичъ отшучивался. Въ чемоданѣ былъ другой картузь плюшевый, который и надѣлъ Чернышевскій.

Въ Петербургѣ они нашли себѣ квартиру около 2-го корпуса (Петербургская сторона д. Бородиной, противъ Жуковки). Финансы Чернышевскихъ были очень ограничены: Н. Г. получалъ 40 рублей въ мѣсяцъ, какъ учитель, и около десяти рублей въ мѣсяцъ зарабатывалъ, какъ писатель. Сразу, по пріѣздѣ Чернышевскихъ въ Петербургъ, Краевскій предложилъ ему работать въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Вскорѣ Н. Г. познакомился съ Некрасовымъ, который просилъ его участвовать въ „Современникѣ“.

Учительство въ кадетскомъ корпусѣ не понравилось Николаю Гавриловичу: тутъ было еще болѣе стѣсненій, чѣмъ въ Саратовской гимназій, почему онъ скоро и ушелъ оттуда. Некрасовъ и Краевскій другъ передъ другомъ старались залучить Чернышевскаго къ себѣ въ сотрудники. Изъ-за него между Некрасовымъ и Краевскимъ шла настоящая торговля. Некрасовъ очень понравился Н. Г—чу, и онъ сдѣлался фактическимъ редакторомъ „Современника“.

„Разъ приходитъ Николай Гавриловичъ со службы домой“, рассказывала О. С. „и говоритъ мнѣ: „Что ты больше желаешь: или чтобы я получалъ больше денегъ, или чтобы я, служа въ корпусѣ, имѣлъ меньше денегъ, но получалъ чины? Признаюсь, я терпѣть не могу чиновъ“. Я согласилась больше получать денегъ, и тогда онъ оставилъ службу, и сдѣлался сотрудникомъ „Современника“.

Въ то время этотъ журналъ имѣлъ около 5.000 подписчиковъ.

Живя въ Петербургѣ, Чернышевскіе были знакомы съ Семейскими. Когда Николай Гавриловичъ съ женой былъ разъ у И. Н. Виноградова (въ Саратовѣ), то онъ говорилъ И. Н—чу, что Ф. В. Духовниковъ собиралъ свѣдѣнія о Г. Е. Благосвѣтловѣ для М. И. Семейскаго. „Ты помнишь Мишу? спросила Ольга Сократовна Н. Г—ча. „Помню“, отвѣтилъ тотъ.

Интересный рассказъ о петербургской жизни Чернышевскихъ сохранили бумаги Ф. В. Духовникова.

„У меня“, рассказывала Ольга Сократовна впоследствии „бывали свои гости, у Николая Гавриловича—свои. Мои гости, какъ люди, большею частію, пустые, его не интересовали: онъ не принималъ участія въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя я устраивала, къ тому же ему было и некогда. Со своей стороны и я не могла присутствовать въ то время, когда къ Н. Г. собирались его гости. Я не понимала ихъ ученыхъ разговоровъ, да и, кромѣ того, отъ ихъ куренья у меня разбалывалась голова. Этотъ дымъ заставлялъ меня бѣжать изъ дома. Поэтому напивъ гостей чаемъ и отдавъ распоряженія, какъ подавать закуску, я отправлялась въ театръ. Безъ меня никто изъ гостей не стѣснялся. Но если разговаривали о житейскихъ дѣлахъ, или читали стихотворенія, которыя я очень любила, или же разговоръ касался такихъ предметовъ, которые я понимала, я съ удовольствіемъ оставалась и слушала. Иногда Некрасовъ читалъ свои импровизаціи по поводу какого-нибудь сказа. Здѣсь стихи составлялись шутя, между разговоромъ, такъ что не всѣ эти импровизаціи попадали въ печать. Разъ онъ произнесъ стихотвореніе, которое всѣмъ понравилось. Н. Г. былъ увѣренъ, что тотъ его записалъ, но Некрасовъ, занятый другими дѣ-

лами, совершенно позабылъ стихи. Когда Николай Гавриловичъ составлялъ книжку „Современника“, то оставилъ страницы для стихотворенія Некрасова, и напомнилъ Н. А.—чу объ этомъ. Тотъ, оказалось, не могъ даже и припомнить, что онъ говорилъ. Тогда Николай Гавриловичъ прочиталъ ему стихотвореніе, съ начала и до конца, и даже записалъ его, такъ что Некрасову оставалось только исправить стихотвореніе.

Самъ Н. Г. не зналъ ни жизни, ни людей: ему было некогда знать, такъ какъ все время онъ проводилъ за книгами.

Но эти знакомые сослужили ему свою службу: онъ съ нихъ взялъ нѣкоторыя черты, которыми надѣлилъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Что дѣлать?“. Турчаниновъ, Боковъ, одинъ офицеръ и я послужили Николаю Гавриловичу матеріаломъ для изображенія лицъ въ романѣ. Черты моего характера разсѣяны на нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицахъ „Что дѣлать?“. Вѣрочка—я, Лопуховъ взятъ съ Бокова, офицеръ—съ Кирсанова ¹⁾). Послѣ меня спрашивали: „Кто этотъ Кирсановъ? Правда ли, вы съ нимъ живете?“.

Въ Петербургѣ, конечно, Н. Г. жилъ только литературой. Много времени отнимало хожденіе въ типографію. Когда идетъ, бывало, туда, то зайдетъ нарочно въ лавочку и купить рѣпу: онъ очень ее любилъ. Идетъ и кожанки съ рѣпы бросаетъ по тротуару. По этимъ кожанкамъ близко знавшіе Н. Г. и узнавали, что онъ уже пошелъ въ типографію.

Жизнь Чернышевскаго въ Петербургѣ была лихорадочная: руки тряслись, мозги усиленно работали. Онъ никогда не могъ спать послѣ обѣда, да и ночью иногда спалъ по два, по три часа. Бывало, и ночью проснется, вскочитъ и начнетъ писать. Дома онъ все сидѣлъ въ кабинетѣ. Минуть на пять зайдетъ въ половину, занимаемую Ольгой Сократовной, поцѣлуетъ руку.

Питралеръ и скрипачъ Николай Поповъ часто бывали у О. С., играя ей разныя вещи. „Ступайте, оправьте мою постель“, скажетъ она,—и тѣ повинуются. Живя въ Петербургѣ, О. С. старалась подыскать партію то одному, то другому сыну. Здѣсь Чернышевскіе получали болѣе 6.000 рублей въ годъ, и все-таки трудно было сводить концы съ концами. Ольга Сократовна говорила: „Мы постоянно нуждаемся. Какія у писателей могутъ быть деньги?“.

Одна изъ родственницъ Чернышевскихъ рассказывала про себя: „Я тогда играла, плясала, веселилась. Николай Гавриловичъ цѣнилъ во мнѣ то, что я всѣмъ въ глаза говорила правду. Я писала стихи. Онъ нѣсколько разъ говорилъ, чтобы я отдѣлала ихъ и напечатала,

¹⁾ Т. е., должно быть наоборотъ. А. Л.

но я не соглашалась. „Осмѣютъ, обругаютъ меня за нихъ“, говорила я ему.

— „Это лучше, если тебя обругаютъ,—больше, значить, чести“.

Придешь, бывало, съ гулянья, и примешься ему рассказывать, съ кѣмъ я гуляла, что говорила, какъ заставляла въ себя влюбляться. Бывало, и стыдно, а все говоришь; не скрываешь, кѣмъ увлекалась... Я любила красивыхъ мужчинъ, съ которыми весело проводила время. Это-то¹⁾ и цѣнилъ Н. Г. „Ты заняла меня своими рассказами“, скажетъ онъ; „ты—самородокъ, у тебя—природный умъ. Вотъ, ты и записала бы, моя несравненная“. Онъ не могъ меня съ кѣмъ-либо сравнить“.

Послѣ того, какъ Н. Г. исключительно посвятилъ себя литературѣ и сталъ приобрѣтать извѣстность,—о немъ заговорили. Заговорили и въ Саратовѣ. Радовался Гавриилъ Ивановичъ, что сынъ сталъ пользоваться популярностью, но какъ всегда сдержанный, не хвалился его литературными успѣхами. Постоянно отъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ слышалъ старикъ похвалы сыну за журнальныя статьи, но онъ отвѣчалъ молчаніемъ въ отвѣтъ на эти похвалы. Изъ желанія сдѣлать Г. И.—чу пріятное, многіе, даже незнакомые ему, расхваливали сына, но Гавриилъ Ивановичъ не считалъ нужнымъ отвѣчать; только когда дома и въ интимной бесѣдѣ родные или знакомые заведутъ разговоръ объ успѣхахъ Николая Гавриловича, то Г. И. скажетъ въ отвѣтъ: „Да, сынъ мой приобрѣтаетъ извѣстность въ Петербургѣ“, но болѣе—ни слова. Иногда по поводу его статей проговорится: „Хорошо-то, хорошо, и полезны для Россіи тѣ преобразованія, о которыхъ пишетъ сынъ, да раненько“. Рѣзкія статьи Н. Г.—ча побуждали отца писать ему рѣзкія письма, въ отвѣтъ на которыя сынъ слалъ свои оправданія.

Въ 1855 году Саратовъ постигло бѣдствіе: были большіе пожары. Постоянно то одному, то другому домовладѣльцу подбрасывались подметныя письма, угрожавшія пожаромъ. Въ городѣ была сильнѣйшая паника. Почти во всѣхъ домахъ имущество было уложено въ возы, чтобы, въ случаѣ близкаго пожара, вывести его въ безопасное мѣсто. Нѣкоторые жители даже выѣхали изъ города и жили около него въ шалашахъ, гдѣ держали и имущество.

Всѣ пожарные и полиція измучились: иногда бывало до ста пожаровъ въ день въ разныхъ мѣстахъ города. Надъ Саратовомъ все всемя носился дымъ отъ пожара. Образовалась изъ жителей полиція для караула. Весь городъ раздѣлили на участки, которыми завѣдывали выборные. Начальникомъ надъ такой полиціей былъ

¹⁾ Т. е., эту искренность. А. Л.

Ганъ, предсѣдатель казенной палаты. Но ничто не помогало; пожары все возрастали. Много говору вызывали эти пожары. Говорили тогда, что поджигатели клали въ яичную скорлупу воспламеняющійся составъ и бросали яйцо на дворы. Говорили также, что заборы поливались воспламеняющимся составомъ. О пожарныхъ трубахъ говорили, что онѣ не дѣйствуютъ, такъ какъ злоумышленники вбивали въ нихъ гвозди.

Подкинуты были письма о поджогахъ и Сергіевской улицы; Г. И. и Пыпины предприняли мѣры предосторожности; запаслись на трехъ лошадяхъ водой для тушенія; вся посуда была занята водой. Въ назначенный день загорѣлось какое-то зданіе около Краснаго Креста (очень далеко отъ Чернышевскихъ, болѣе версты). Когда пожарные были измучены тушеніемъ тамъ пожара, начался новый пожаръ, на задахъ дома Кирѣева (теперь [писано въ 1890-тыхъ г.г.] И. Е. Аносова), на Московской улицѣ. Мѣсто для поджога было выбрано самое удачное: постройки Кирѣева примыкали къ деревяннымъ службамъ двухъ домовъ, выходящихъ на Сергіевскую улицу. Такъ какъ во всемъ городѣ не было другого брандъ-маіора, кромѣ И. И. Мордвинкина, всѣми уважаемаго въ Саратовѣ, то загорѣлись всѣ деревянные постройки, которыя тянулись по Сергіевской улицѣ, по направленію къ Волгѣ. Пожаръ распространялся и на сосѣдніе кварталы, особенно на деревянные трактиры. Подулъ сильный вѣтеръ и поднялъ песокъ и пыль, которые покрывали немощенныя тогда улицы Саратова. Опасность угрожала и дому Чернышевскихъ; противъ него все горѣло, а въ домѣ и крыша, и ставни, были деревянные. Только благодаря тому, что набѣжало много знакомыхъ и причетниковъ, домъ былъ спасенъ. Сгорѣла часть Московской улицы, до дома Образцова, исключая дома Мордвинкина, который отстояли собственно потому только, что владѣлецъ его давалъ по серебряному рублю за бочку; сгорѣла и часть Сергіевской улицы, до гимназіи и Бабушкина взвоза, и то только потому, что генераль Граббе, спасая свой домъ, распорядился вызвать весь батальонъ солдатъ, который и разломалъ всѣ постройки сосѣдей, а по этимъ постройкамъ огонь неминуемо распространился бы по другимъ домамъ.

Гавріилъ Ивановичъ сильно скучалъ безъ сына, жившаго въ Петербургѣ. Желая утѣшить его, Николай Гавриловичъ прислалъ своихъ двоихъ дѣтей на житье у Г. И. Впослѣдствіи къ дѣду прибылъ и третій внукъ. Внуки доставляли Гавріилу Ивановичу много удовольствія и служили утѣшеніемъ въ старости. Когда настало время учить старшаго, Александра, — его взяли въ Петербургъ, а Г. И.—чу привезли средняго сына. Саратовскій климатъ, конечно, гораздо

лучше петербургскаго, къ тому же здѣсь дѣти всегда могли быть на свѣжемъ воздухѣ.

Въ ноябрѣ 1860 г. заболѣлъ отецъ Ольги Сократовны. Николай Гавриловичъ далъ женѣ 700 рублей, чтобы за нимъ ухаживать. Она поѣхала въ Саратовъ, но уже не застала отца въ живыхъ. Когда О. С. подѣхала къ дому Сократа Евгеньевича,—дворникъ сказалъ ей, что тотъ уже умеръ (10 ноября 1860 г.). Она отправилась къ Гавріилу Ивановичу. Тотъ оказался больнымъ. Сначала Ольга Сократовна подумала, что онъ заболѣлъ отъ огорченія, вслѣдствіе смерти С. Е—ча, котораго онъ искренно уважалъ. Но оказалось, что дней черезъ десять послѣ смерти Сократа Евгеньевича, умеръ отъ скарлатины внукъ Г. И—ча. Это такъ поразило старика, что у него отъ неутѣшнаго плача разболѣлись и безъ того разстроенные работой по ночамъ глаза, и онъ долженъ былъ носить козырекъ. Когда ребенокъ умеръ, Гавріилъ Ивановичъ взялъ его, мертваго, на руки и долго, долго прижималъ къ сердцу. Жаль было внука старику, и онъ считалъ себя отвѣтственнымъ предъ дѣтьми за его смерть. Это безпокойство было причиною того, что старикъ страшно похудѣлъ. Не могъ безъ рыданія повѣдать о случившемся Ольгѣ Сократовнѣ убитый горемъ Г. И—чъ.

Между тѣмъ въ служебной дѣятельности Г. И—ча произошла большая перемѣна. Еще въ 1850 г. указомъ Синода дѣло Протопопова (о немъ см. ранѣе) велѣно было не считать препятствіемъ на будущее время къ награжденію его знаками отличія, установленными для блага духовенства. Въ 1853 г. онъ получилъ за службу орденъ Анны 3-ей степени.—Въ Саратовѣ произошла смѣна архіереевъ: вмѣсто преосвященнаго Аѳанасія, бывшаго здѣсь съ 1847 г. и переведеннаго въ Астрахань въ 1856 г., сюда назначили Іоанникія (Горскаго).

Новый преосвященный, еще будучи въ Сергіевой лаврѣ, расспрашивалъ монаховъ о саратовскомъ духовенствѣ. Въ Саратовѣ никто не зналъ, откуда и когда именно пріѣдетъ новый архіерей. Поэтому онъ пріѣхалъ безъ встрѣчи. Происходила служба наканунѣ праздника воспоминанія Полтавской побѣды. Во время всеобщей, когда все духовенство было въ церквахъ, пріѣхалъ съ парохода новый архіерей, взявъ съ пристани простаго извозчика. Такъ какъ прежніе саратовскіе архіереи имѣли постели свои, которыя и увозили при своемъ отъѣздѣ изъ епархіи, то въ архіерейскомъ домѣ не было приготовлено постели для Іоанникія. Онъ проспалъ ночь на диванѣ, одѣтый своей шубой. „Я“, говорилъ онъ послѣ, „цѣлую ночь проплакалъ“. Когда на слѣдующій день представлялся Іоанникію кафедральный протоіерей, Вязовскій, бывший, вмѣстѣ съ тѣмъ

и экономомъ архіерейскаго дома, архіерей высказалъ ему свое не-удовольствіе, прибавивъ къ этому и многое изъ того, что говорили ему въ лаврѣ монахи о саратовскомъ духовенствѣ. Не совсѣмъ здоровый Вязовскій, уважаемый всѣми предшествующими архіереями, Мойсеемъ, Іаковомъ и Аѳанасіемъ, такъ огорчился, что слегъ въ постель и заболѣлъ. Іоанникій навѣщалъ больного. Вскорѣ протоіерей умеръ. На его мѣсто назначили Гавріила Ивановича. Когда секретарь, по порученію преосвященнаго, 29 августа пришелъ на домъ къ Чернышевскому и передалъ ему о новомъ назначеніи, Гавріиль Ивановичъ отвѣтилъ: „Не хотѣлось бы переходить отъ Сергіевой церкви, гдѣ я всю свою священническую жизнь провелъ (около тридцати лѣтъ), да и жить-то мнѣ осталось недолго. Много-много проживу я четыре года“. Слова его были пророческими. У Г. И—ча уже давно была та болѣзнь, которая свела его въ могилу.

Въ то время литературная слава Николая Гавриловича распространялась все болѣе и болѣе, и, по мѣрѣ того, какъ росла его извѣстность,—по Саратову начали ходить слухи, которые старались не доводить до Г. И—ча. Это было необходимо потому, что болѣзнь сердца, которой страдалъ престарѣлый отецъ писателя, все усиливалась. Особенно часто изъ женскаго монастыря направлялись укоризны, что Н. Г. пишетъ статьи антирелигіознаго и антиправительственнаго содержанія. А. Е. Пыпина, которой приходилось часто выслушивать такія вещи, обычно отвѣчала: „Укажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ видите вредное направленіе“.

Г. И—чь, занятый постоянно дѣлами, не могъ читать всѣхъ статей сына, но А. Е. прочитывала все, что только выходило изъ-подъ пера Николая Гавриловича, и не находила въ его статьяхъ ничего предосудительнаго. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что тѣ самыя лица, которыя, во время наибольшей славы Н. Г., восторгались его статьями, всегда просили Гавріила Ивановича передать сыну благодарность за возбужденіе многихъ вопросовъ въ „Современникѣ“ и выскивали случай познакомиться съ Николаемъ Гавриловичемъ, затѣмъ не только отшатнулись отъ него, но начали даже, по возможности, мстить. Они выдумывали на Николая Гавриловича разныя небылицы, бросали въ него грязью и искажали такіе факты, относящіеся къ Чернышевскому, въ которыхъ даже самыя завзятые враги Н. Г. не могли отыскать ничего чернаго.

Однажды истинныхъ и мнимыхъ почитателей Чернышевскаго очень встревожилъ слухъ объ его арестѣ. Дѣло происходило такимъ образомъ. Воскресенскій, бывшій учитель Н. Г. по семинаріи будучи въ то время предсѣдателемъ Саратовской палаты уголовного

суда, сообщилъ архимандриту Никанору объ арестѣ Н. Г. Никаноръ, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гавріиломъ Ивановичемъ, нарочно поѣхалъ къ нему, съ цѣлью узнать, насколько справедливъ этотъ слухъ. Въ случаѣ же, если Г. И. не зналъ объ арестѣ,—то Никаноръ имѣлъ цѣлью подготовить его къ этому тяжелому событію. Свою миссію онъ исполнилъ такъ ловко, что нисколько не напугалъ Г. И—ча. Оказалось, извѣстіе было ложное. Почти одновременно Г. И. и Шыпины получили отъ своихъ дѣтей письма, въ которыхъ не было и намека на арестъ. Между прочимъ тамъ были такія фразы: „Что дѣлается въ мірѣ политическомъ и литературномъ, Вы узнаете изъ газетъ“.

Обычно, живя въ Саратовѣ, Николай Гавриловичъ не высказывалъ при отцѣ рѣзкихъ сужденій, которыя могли бы оскорбить убѣжденія Г. И—ча: любовь къ отцу была у него очень сильна, и сынъ дорожилъ любовью Г. И—ча. Интересный фактъ рассказываетъ В. И. Дурасовъ. Приѣхалъ однажды Н. Г. къ отцу. Пришли къ Чернышевскимъ В. И. Дурасовъ и Н. И. Костомаровъ. Подана была закуска, скоромная и постная. Н. Г. сталъ ѣсть постное. Отецъ и говоритъ ему: „Вы, петербуржцы, ѣдите тамъ, вѣроятно, скоромное. Отчего же ты не ѣшь? У насъ здѣсь и монахи ѣдятъ скоромное въ посты. Я самъ видѣлъ, какъ у Мордвинова (управляющаго Саратовской удѣльной конторой) архимандритъ Никандръ ѣлъ въ великій постъ скоромное“. Надо замѣтить, что и въ пищѣ, и въ другихъ отношеніяхъ, Н. Г. довольствовался малымъ, такъ что возбуждалъ къ себѣ удивленіе. Въ Петербургѣ, когда онъ жилъ одинъ въ большой квартирѣ, а Ольга Сократовна занимала дачу, Н. Г. ѣлъ овсянку и подобную неприхотливую пищу. Поэтому, онъ отказался отъ предложенія отца и ѣлъ постное. „Какой Чернышевскій притворщикъ!“ сказалъ мнѣ дорогою Костомаровъ, когда мы шли отъ Чернышевскихъ. „А въ Петербургѣ-то что онъ дѣлаетъ!“ (Говорятъ, Н. Г. много способствовалъ переводу Костомарова изъ Саратова въ Петербургъ). Я отвѣтилъ ему: „Онъ, вѣроятно, не хочетъ огорчать своего отца“.

Основавшись въ Петербургѣ, Н. Г. не могъ часто бывать у отца: дѣла „Современника“, лежавшія главнымъ образомъ на немъ, требовали его постояннаго присутствія. Зналъ это Гавріиль Ивановичъ и, поэтому, не только не настаивалъ на приѣздахъ сына въ Саратовъ, но даже совѣтовалъ ему заниматься этими дѣлами, чтобы не ставить редакцію въ неловкое положеніе. Г. И. видѣлъ самъ, что даже тогда, когда сынъ приѣзжалъ къ нему въ Саратовъ,—ему присылалась масса писемъ, рукописей, корректуры и пр. для чтенія. Особенно много времени требовала корректура, за которой

долго просиживалъ Н. Г., почему онъ иногда не приходилъ обѣдать и не спалъ по цѣлымъ ночамъ. Зато сынъ не лишалъ себя удовольствія поговорить съ отцомъ. Часовъ въ десять вечера, когда въ домѣ все утихало, Н. Г. спускался съ балкона къ отцу, и долго, долго шли ихъ задушевные бесѣды. Понятно, что сынъ только изрѣдка появлялся при гостяхъ, бывавшихъ у его отца, а самъ не только не имѣлъ времени заводить новыя знакомства, чего многіе желали и усиленно добивались, но даже не бывалъ у тѣхъ, кого очень желалъ бы видѣть, о чемъ прямо говорилъ имъ, при личномъ свиданіи. Люди, знавшіе Николая Гавриловича, извиняли его и нисколько не обижались. Ихъ удивляло только то, когда онъ успѣвалъ столько работать: почти каждую почту онъ отправлялъ посылки и письма. Только тѣ, которые желали знакомиться съ Чернышевскимъ изъ-за самолюбія, очень сердились на него и называли Н. Г. гордымъ и высокомернымъ. Точно такъ же велъ себя Н. Г. и въ Петербургѣ: въ то время, когда въ половинѣ О. С.—ны молодежь веселилась до упаду,—онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ, совершенно забывая о томъ, что дѣлалось внѣ кабинета.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

